

2.2. Полоцк – политический, социально-экономический и сакральный центр земли в XI–XIII вв.

(Д. В. Дук, О. Н. Левко, Г. В. Штыхов)

Полоцк являлся политическим, социально-экономическим и сакральным центром Полоцкой земли, о чем свидетельствуют как письменные источники, так и многочисленные материалы археологии.

Черты общественно-политического строя. Начальная политическая история Полоцка отражена в древнерусских летописях и скандинавских сагах. В «Повести временных лет» (Лаврентьевская летопись) сказано: «И прия власть Рюрикъ, и раздая мужемъ своим грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Белоозеро. И по тем городам суть находници варязи, а перьвии насельници... въ Полотъски кривичи...» [ПСРЛ, 1962, т. 1, ст. 20]. То, что Полоцк как территориально-племенной центр был основан кривичами, подтверждают материалы археологии. Не вызывает сомнения и преимущественно славянское население Полоцка и его округа в IX–X вв. при рассмотрении материалов нижних напластований полоцкого городища, прилегающих к нему одновременных селищ, а также сельских курганных могильников. Интерес исследователей всегда вызывал тот факт, что, находясь на пересечении важнейших водных путей, Полоцк не содержал в своем культурном слое материалов, свидетельствующих о сколько-нибудь серьезном вмешательстве варягов в создание этого политического центра в государственной системе Восточной Европы. Тем не менее скандинавы были хорошо знакомы с Полоцком. Ранние скандинавские саги называют Полоцк Palttesjuborg, где слово «borg» употребляется в значении укрепленного пункта (крепости). В более поздних сагах Полоцк называется Paltteskja. Д. И. Довгялло считал, что в подобных изменениях названия отражено возникновение рядом с «городом» посадских поселений [Даўгяла, 1928, т. 2, кн. 3, с. 212]. Сага об Эймунде повествует о политических событиях, связанных с правлением полоцкого князя Брячислава. Критический разбор данной саги показывает, что многие из приведенных в ней данных, не соответствуют действительности, а события, имевшие место, переплетены с вымыслом [Заяц, 1993а, с. 5–11]. Не получила подтверждения и гипотеза С. В. Белецкого и Ю. М. Лесмана о развитии первоначального периода в истории Полоцка в качестве варяжского [Белецкий, 1979, № 1, с. 311]. В настоящее время, когда в Полоцке проведены исследования разных участков раннегородской структуры, на них не выявлено каких бы то ни было следов деятельности варягов, за исключением единичных находок вещей, принадлежащих к кругу скандинавских древностей. Однако эти находки лишь подтверждают обширные внешние связи Полоцка уже на ранней стадии его развития как важного центра в Восточной Европе.

Жители городов Полоцкой земли иногда в источниках названы «горожанами». Однако, чаще всего, на них переносилось название города, так же как и на все население волости, которая тяготела к данному населенному пункту («полочане», «дрючане», «меняне»). Под 1176 г. имеется летописное сообщение, в котором города разделены на «старшие» и «младшие», или «пригороды». Полоцк, несомненно, относился к числу старших городов, так как возник значительно раньше других центров на территории Полоцкой земли [Штыхов, 1982, с. 59].

Становление государственных учреждений на территории Восточной Европы было тесно связано с появлением и усилением княжеской власти, опирающейся на военную силу дружин, в том числе отрядов наемников, состоявших из варягов, народное ополчение. Наиболее влиятельные дружин-

ники вместе с представителями выходцев из племенной знати составляли группу «мужей» – княжеский совет. «Мужы» командовали войском, выполняли финансово-административные функции. На протяжении XI в. княжеский стол в Полоцке, а, следовательно, и государственная власть в Полоцком княжестве, переходили в соответствии с родовым правом наследования к старшим сыновьям князя-правителя (Изяслав–Брячислав–Всеслав). Князь имел свою печать, как главный распорядитель земельных владений (рис. 25: 1).

Социальный состав населения Полоцка раскрывает надпись на кресте Евфросиньи Полоцкой (1161 г.): «властелинь или князь или пискоупъ или игоуменья или инъ который любо человекъ» (фото 18). Данный список дополняет «Житие» Евфросиньи: «князи и силнии мужи, черноризци, и протие людие».

Во времена родоплеменного строя своими корнями уходило и *городское вече* – собрания горожан для решения особо важных вопросов политического и военного характера. Городская община включала ремесленников, купцов, регламентируя их деятельность (наличие «братчины»), действовал копный суд и другие элементы самоуправления. Социально-политическая организация Полоцка имела много общих черт с Киевом и Новгородом. Лаврентьевская летопись сообщает: «Новгородци бо изначала и смолняне и кыяне и полочане и вся власти яко на дому (думу) на вече сходятся, на что же старейшии сдумають, на том же пригороди стануть» [ПСРЛ, 1962, т. 1, стб. 377–378]. Однако такая ситуация, при которой младшие города подчинялись решению старших, сохранялась в Полоцкой земле до выделения внутри нее княжеств-уделов, зависимость которых от Полоцка стала номинальной. С конца первой трети XII в. вече стало играть особо важную роль в политической жизни Полоцкой земли, о чем свидетельствуют летописные сообщения. Оно решало вопросы войны и мира, при необходимости определяло себе сюзерена из стороннего княжества. Так, пригласив в 1151 г. на полоцкий стол минского князя Ростислава, полоцкое вече заключило договор с черниговским князем Святославом Ольговичем, «чтобы иметь его отцом себе и ходить в послушании его, и на том целовали крест». Однако, ограничивая княжескую власть, вече не уничтожало ее. Даже в периоды наибольшей активности вече князь возглавлял военные силы, имел преданную ему дружину, осуществлял суд и внутреннее управление, раздавал волости, вел переговоры о военных и торговых делах с иностранными послами, от его имени заключались договора и скреплялись печатью. Несмотря на то что в Полоцке помимо княжеской власти имели место и другие политические силы, например, упомянуты 30 мужей, какое-то время осуществлявшие управление Полоцком [БЭФ, 1960, т. 2, с. 440], они не были противопоставлены князю. В Полоцке наличие князя было обязательным и традиционным условием государственного устройства. Институт княжеской власти сохранялся в Полоцке до конца XIV в.

Особенностью социального устройства в Полоцке в древнерусский период являлось то, что боярство не представляло собой корпоративной груп-

пировки, как это было в Новгороде. В то же время бояре играли главную роль в общинных собраниях, пользовались значительным влиянием на «простых людей», в известной степени «велиции мужи» являлись проводниками соблюдения «обычного родового права». Именно это лежало в основе призвания Изяслава Владимировича на полоцкий стол в качестве наследника его деда Рогволода. От имени полочан договор с князем заключали местные бояре. В период феодальной раздробленности ситуация изменилась по двум причинам. Во-первых, ослабела родственная связь между внуками Всеслава, обособившимися в своих отчинах – удельных княжествах – и ставшими конкурентами на полоцкий стол в условиях развития феодального права. Во-вторых, боярство Полоцкой земли, вышедшее из племенной знати, всегда имело значительные земельные наделы и также стало пользоваться феодальным правом собственности. Поэтому, используя рычаг исполнительной власти, данной им городской общиной, и активно участвуя в замене одного правящего князя на другого, бояре, прежде всего, соблюдали свой личный интерес. Полоцкое боярство как отдельная социальная группа было юридически обособлено от других групп посадского населения только в 80–90-е годы XV в. В это время обозначилось преимущество бояр над мещанами в социально-экономической и политической жизни Полотчины [Макараў, 2008, с. 66]. В это же время в Полоцке исчезают вечевые собрания как своеобразный тип гражданской власти, где определенную роль в XIII–XIV вв. могли играть также и безземельные мещане, но уже под властью князя или великокняжеского наместника [Rohdewald, 2001, s. 17]. В «Декрете» Казимира Ягеллончика 1486 г. введение в Полоцке десятников рассматривается как нарушение давней местной традиции [Макараў, 2008, с. 45].

Отсюда возникает и вторая особенность социальной организации посадского населения: сотенная структура сложилась в Полоцке только в XVI в. и связана уже с магдебургским городом.

По данным Н. М. Тихомирова, П. П. Толочко, Г. В. Штыхова и др., о существовании городской самоуправляемой общины свидетельствуют наличие торговой площади, возникновение усадебной застройки, которая подчинялась законам градостроительства, разветвленной городской инфраструктуры. Свободное население городских посадов являлось главным владельцем посадской земли, с одной стороны, и социальной организацией, которая отстаивала интересы свободного посадского населения, с другой [Бубенько, 2004, с. 151–152; Штыхов, 1988, т. 25, с. 172].

Корпоративность свободного посадского ремесла заложена в основе существования посадов [Толочко, 1989, с. 147]. Признаки корпоративной организации полоцких ремесленников в X–XIII вв. можно проследить по наличию в центральной части Великого посада ювелирных мастерских в XII в. На этом же месте ювелиры работали и в XVII в. Следы ювелирного производства были открыты в ходе исследования территорий X–XIII вв.: городища, окольного города, Заполотья, Великого посада. В Полоцке процветали и другие ремесла, археологически изучены косторезные, кожевенные, кузнечные, золотарские и другие мастерские XII–XVIII вв.

Детинец, околный город и посады – структурные составляющие Полоцка в XI–XIII вв. В источнике конца XIV в. сказано: «Полтеск на Двине и на Полоте древян. А святаа Софиа каменна о седми версех» [Исторические записки, 1952, № 40, с. 224]. Из данного сообщения следует, что город имел деревянные укрепления и занимал достаточно обширную территорию вдоль двух рек: Западной Двины и Полоты. В другом источнике XIV в. говорится о «старом городе», из чего можно сделать вывод, что к этому времени уже имелся «новый город» Полоцк.

Для определения территории, которую занимал Полоцк в XI–XIII вв. и выделения мест расположения его посадов, с 1962 г. проводились систематические обследования вдоль берегов обеих рек. Необходимо было также установить последовательность возникновения и период существования той или иной структурной составляющей городской территории, ее функциональное назначение.

Детинец. О событиях, связанных с захватом Владимиром Святославичем Полоцка в летописи сказано: «Рогволод же вбеже в *городъ* и приступивъше к городу и взяша *городъ* и самого князя Рогволода яша и жену его и дочь его» [ПСРЛ, 1962, т. 1, стб. 300]. Из данного отрывка видно, что семья полоцкого князя располагалась в «городе», т. е. укрепленной части Полоцка, иными словами «днешнем» городе или *детинце*. Как показали археологические исследования, наиболее ранние укрепления выявлены на древнем полоцком городище (рис. 26). А. Н. Левданский полагал, что полоцкое городище оставалось центральным поселением (детинцем) в структуре Полоцка до XII в. А уже в XII в. детинец был перемещен на территорию будущего Верхнего замка, где неукрепленное поселение развивалось с X в. [Ляўданскі, 1930, т. 2, кн. 11, с. 171–172]. Следуя суждению А. Н. Левданского, именно к городищу можно применить название «старый город». В отличие от А. Н. Левданского размещение детинца Полоцка на территории Верхнего замка М. Н. Тихомиров признавал с момента возведения здесь кафедрального Софийского собора, т. е. примерно с середины XI в. [Тихомиров, 1956, с. 26]. Такого же мнения придерживаются и другие исследователи [Штыхов, 1975, с. 33; Тарасаў, 1998а, с. 37]. Вывод А. Н. Левданского о первоначальном расположении детинца Полоцка на городище был категорически отвергнут А. Г. Митрофановым, который считал Верхний замок местом первоначального и единственного детинца города [Митрофанов, д. № 111, с. 15].

Описание в летописи событий 1159 г., когда предупрежденный о заговоре полочан князь Ростислав Глебович, находившийся в Бельчицком Борисоглебском монастыре, бежит оттуда в Менск, как бы дает возможность предположительно локализовать княжескую резиденцию XII в. за пределами города. Однако факт пребывания князя в Бельчицах во время его противостояния с полочанами, не является доказательством постоянного размещения в монастыре княжеской резиденции. Напротив, подмечено, что во времена противостояния с народом князь старались находиться не на территории детинца, а за пределами города [Куза, 1985, с. 65–66]. Распо-

ложение Бельчицкого монастыря на пути в Менск (вотчину менских князей) было удобным для Ростислава Глебовича, а факт его пребывания с дружиной на территории данного монастыря в момент смуты лишь подчеркивает значимость фортификационных функций Бельчицкого Борисоглебского монастыря. Археологические исследования, проведенные в Бельчицком монастыре в 2007 г., также не подтверждают размещения княжеской резиденции на его территории. Выявленные артефакты XII–XIII вв. были представлены исключительно фрагментами керамической посуды, что не противоречит статусу монастырской территории, где интенсивность жизни и плотность застройки была не высокой.

Как показывают новейшие исследования [Дук, 2010], древнейшее полоцкое городище, видимо, сохраняло за собой функцию *детинца* в XI – начале XIV в. Именно здесь, судя по археологическим находкам, располагалась резиденция правящих полоцком князей Изяславичей. Вместе с князем на городище проживали ремесленники (оружейники, ювелиры), которые обслуживали потребности княжеского двора. Радиоуглеродная дата – 1310 г. – с комплексом находок начала XIV в. определяет время прекращения существования княжеской резиденции на городище. Это, вероятно, обусловлено вхождением Полоцка в состав ВКЛ и переменой в политическом значении города. Тогда же, скорее всего, и был осуществлен перенос *детинца* на территорию Верхнего замка. Построен новый деревянный «город», внутри которого располагалась каменная семикупольная София.

Материалы, полученные в результате раскопок 2007 г. Д. В. Дука на городище, свидетельствуют об исключительной плотности застройки и высокой интенсивности жизнедеятельности данного объекта в XI–XIII вв. К этому периоду относятся верхний уровень среднего стратиграфического горизонта и верхний стратиграфический горизонт древнего городища.

В *верхнем уровне среднего стратиграфического горизонта* на площади в 40 м² найдено основное количество индивидуальных находок всего раскопа (315 из 496 шт.). Выделяются: железные пластинки наборного доспеха и их заготовки (рис. 67), железные корпуса навесных замков и ключи к ним, овальные железные кресала, железные наконечники стрел типа «срезень», каменные точильные бруски, в том числе из шиферного сланца, шиферные пряслица, большое количество фрагментов стеклянных браслетов, часть из которых оплавлена в мощном пожаре, костяные изделия, в том числе орнаментированные ручки ножей и шахматная фигура (фото 4: 4). Следует особо отметить бронзовую накладку на деревянную чашу с изображением грифона (фото 2), бронзовую миску, деталь кисти, фибулы (фото 4: 8), подвеску с растительным орнаментом (фото 4: 2), детали хороса с двухсторонним плетеным орнаментом (фото 4: 3) и кадила (фото 5: 1, 7). Найдено много изделий из черных (ножи, сверла и др.) и цветных (кистени, накладки на одежду и др.) металлов, а также железный топор редкой формы и фрагмент каменного топора или молота с просверленным отверстием. В этом слое найдено 6 кусочков охры красного цвета (5 шт.) и кусочек желтого цвета. Большая часть венчиков горшков представлена формами, характерными

для XII – начала XIV в., хорошо известными по раскопкам других исторических частей Полоцка, хотя в данном слое присутствует и керамика X–XI вв. Найдены несколько фрагментов венчиков мискового изразца. Таким образом, большинство вещей укладываются в хронологические рамки XII – начала XIV в.

Верхний стратиграфический горизонт – грунт светло-серого цвета с коричневым оттенком, комковатый, сухой. В границах этого горизонта присутствовали бронзовые и медные вещи: створка медного креста-энколпиона (фото 19: 1), бронзовые части киотного креста с изображением Богородицы и апостола Иоанна (фото 19: 5), инструмент ювелира – бронзовый молоточек (фото 4: 9), свинцовый кистень, донышко бронзовой лампадки (фото 4: 6) и другие, а также железные изделия (инструменты производства, оружие, бытовые вещи), стеклянные изделия (преимущественно фрагменты браслетов), фрагменты горшков XI – начала XIV в. и амфор. Всего в верхнем стратиграфическом горизонте были найдены 104 индивидуальные находки.

Таким образом, представительная коллекция археологических материалов XI – начала XIV в., среди которых много высокохудожественных изделий, показывает, что жизнь на городище в данный период не только не прекратилась, но была достаточно интенсивной. Выявленные в верхней части среднего стратиграфического горизонта обломки тиглей и изделия из цветных металлов, инструменты производства, заготовки и готовые пластинки доспехов позволяют предполагать, что в пределах исследуемой территории городища находились ювелирная и оружейная мастерские. Найденные в одном горизонте с бронзовой деталью кисти куски охры можно рассматривать как комплекс орудий труда и материалов художника. Отдельные предметы (детали церковной утвари, смальта) и многочисленные фрагменты плинфы, обнаруженные в раскопе (некоторые со следами раствора), свидетельствуют о нахождении на городище вблизи раскопа 2007 г. каменного храма. Все эти компоненты могут указывать на расположение на городище княжеской резиденции в течение XI – начала XIV в.

Структура древних городов Восточной Европы предусматривала наличие укреплений детинца и «предградья» или окольного города [Тихомиров, 1956, с. 242; Толочко, 1989, с. 152], где проживали ремесленники, купцы, объединенные в самоуправляемую общину. Посады древнейших городов, к которым относится и Полоцк, начали складываться на основе селищ, окружавших городище, и окончательно сформировались с приобретением поселением функции *социально-экономического центра* округа, а именно города [Тихомиров, 1956, с. 47].

Окольный город Полоцка сформировался уже в X в. Он охватывал участок, занятый ранее селищами, примыкавшими к городищу с южной (территория современного стадиона «Спартак» и Нижнего замка) и восточной (селище у Красного моста) сторон, выходил за границы территории будущего Нижнего замка в восточном направлении, где был ограничен стеной с деревянными городнями. Примерная площадь окольного города составляла 12,5 га. На территории Окольного города выявлены следы ювелирного

и кузнечного ремесел (рис. 63), что свидетельствует о появлении здесь важнейших для раннесредневекового города профессиональных мастерских.

В XI в. начали складываться основные посады Полоцка – Великий и Заполотский. По мнению П. П. Толочко, название «Великий посад» свидетельствует о том, что имел место и «малый посад» [Толочко, 1989, с. 157], которым в данном случае мог быть укрепленный *окольный город* начального Полоцка. Таким образом, является допустимым применение названия «малый посад» к территории окольного города, но это название могло возникнуть не ранее второй половины XI в., в период, когда за крепостной стеной окольного города стали формироваться новые посадские поселения.

Формирование Великого посада. Название «Великий посад» впервые фиксируется в Привилее Сигизмунда I Полоцку, датированном 1529 г. [Акты Литовско-Русского государства, 1897, т. 2, вып. 1, с. 217], но нет сомнений в его более раннем происхождении.

Процесс замены окольного города новыми посадскими территориями хорошо прослеживается по археологическим материалам. Примыкающий с юга к древнему окольному городу участок в районе современной площади Свободы был исследован в 2009 г. Раскопками Д. В. Дука установлено, что в первой половине XI в. этот участок использовался под огороды, т. е. находился за пределами окольного города. На материке зафиксирован ров, заполненный перегнившей органикой, который определял границу (между) между двумя огородами. Кроме рва, границы огорода маркируют следы плетня (зафиксированы на материке), выполненного из лозы и деревянных кольев. Направление пограничья огородов совпадает с трассировкой улицы XVII в. Таким образом, первоначально где-то в начале XI в. данная территория использовалась под огороды, во второй половине XI и в XII в. в итоге развития посадской застройки на данном участке образовывается культурный слой. Такая ситуация созвучна новгородской, когда древнейшие наслоения торгово-ремесленного посада Новгорода перекрывают предматериковые слои с ярко выраженными следами пахотных полей и сельских дорог [Колчин, 1982, с. 112].

Уже в XII–XIII вв. ремесленный статус населения расширившегося за счет огородов посада подтверждают археологические находки (изделия из кости, заготовки и инструменты производства, ювелирные изделия XII–XIII вв., фрагменты тиглей). Здесь концентрируется достаточно богатое население (найжены два креста-энколпиона XII в.), костяное писало (фото 22), изделия из кости (орнаментированные игольник и накладка) и дерева (самшитовый гребень).

Во второй половине XI в. площадь Великого посада за пределами окольного города составляла около 50 га. Застройка посада начиналась с запада от стены окольного города (в XII в. стена окольного города уже не существовала), с севера была ограничена руслом р. Полота, с юга – р. Западная Двина. Естественной границей посадской территории с востока являлся глубокий природный ров, который был расположен на восток от перекрестка ул. Сакко и Ванцетти с ул. Ф. Скорины (ров зафиксирован на планах

конца XVIII в.) (рис. 4, фото 8). Таким образом, в XI–XII вв. территория Великого посада стабилизируется в границах будущего парка XVI–XVIII вв. Восточная граница посада оставалась практически неизменной с древнерусского времени до конца позднего средневековья. Однако внутренняя планировка существенно менялась.

Формирование Заполотского посада. В начале XI в. на правом берегу р. Полота начинает формироваться Заполотский посад. Происхождение топонима «Заполоть» определяет территорию за р. Полота. В середине XI в. площадь Заполотского посада была не менее 40 га, что более чем в 3 раза превышает площадь окольного города («малого посада» XI в.). Заполотский посад был укрепленным, имел выраженный торгово-ремесленный характер и активно застраивался вдоль р. Западная Двина в западном направлении, что подтверждается археологическими исследованиями 2004 и 2006 г. (рис. 59).

Культурный слой представлен тремя стратиграфическими горизонтами, из которых наиболее насыщенным находками был средний стратиграфический горизонт толщиной от 0,2 до 0,6 м. Он содержал линзы угля, куски извести, линзы красной пережженной глины и пережженные камни. В слое исследованы остатки кострищ и развалы печей-каменок. В нижнем стратиграфическом горизонте толщиной от 0,15 до 0,30 м были зафиксированы следы деревянных оборонительных укреплений. Вещевой материал среднего и нижнего стратиграфических горизонтов образует одну хронологическую группу, что позволяет более точно определить время заселения и продолжительность существования западной части посада. Наиболее ранние материалы X–XI вв. представлены железными калачевидными кресалами с язычком, ключом к навесному замку типа А по новгородской классификации [Колчин, 1982, рис. 3], половинкой литого бронзового браслета с концами в виде стилизованных змеиных голов (имеет аналогии в балтских древностях X–XIII вв.) [Археологія Беларусі, 2000, т. 3, с. 26; Семянчук, 2002, № 17, с. 192]. Из материковых ям происходят железная булавка с кольцом и шарообразной головкой, прозрачная светло-желтого цвета боченкообразная пронизка. Максимальное количество таких бус в Полоцке приходится на XI – начало XII в. [Тарасаў, 1998а, с. 33].

К редким изделиям относятся выявленный случайно бронзовый топорик-подвеска, датируемый X–XII вв. [Колчин, 1982, с. 164] (фото 6: 1) и замочек-подвеска, сделанный из железа и меди (фото 6: 2). Ранними изделиями являются два ножа, аналоги которым второй половины IX – X в. выявлены в Витебске вместе с лепной керамикой в материковых ямах и на материке [Бубенько, 2004, с. 65], бронзовая подвеска в виде равноконечного креста, имеющая аналогию в Оршанском Поднепровье [Левко, 2004, рис. 25: 4].

К изделиям XII в. относятся бронзовые перстни, один из них рубчатый (фото 6: 3), свинцовые печати и пломбы (фото 3: 2–5). Этим же временем можно датировать подъемный материал из Заполотья: бронзовые орнаментированные ключики (фото 6: 4). Часть вещей из цветных металлов, вероятно, была сделана на месте, о чем свидетельствуют два фрагмента керами-

ческих тиглей для плавки металлов, а также слиток бронзы овальной формы с двумя насечками, которые могут обозначать вес. К остаткам ювелирного производства можно отнести также бронзовые пластинки-обрезки и проволоку, слиток олова пулеобразной формы, а также редкую находку – бронзовый ювелирный пинцет. Аналогичный по форме пинцет X–XI вв. выявлен С. В. Тарасовым на полоцком селище [Тарасаў, 1998а, мал. 48].

Большая часть керамики из Заполотья по профилю венчика похожа на керамику типа IV с полоцкого Верхнего замка [Штыхов, 1975, с. 81]. Найдены 9 фрагментов амфор (в том числе один фрагмент плечика с ручкой), свидетельствующие о южном импорте. Такие же фрагменты амфор XI в. – 20–30-х годов XIII в. в количестве более 130 штук были найдены во время раскопок Верхнего замка Полоцка [Штыхов, 1975, с. 87]. Как отмечено С. В. Тарасовым, максимум их бытования приходится на XII в. [Тарасаў, 1998а, мал. 44]. По составу имеющихся вещественных материалов можно сделать вывод, что на Заполотском посаде селились преимущественно ремесленники и торговцы.

С определенной долей вероятности можно отнести начало заселения данной территории к рубежу X–XI вв. Верхнюю хронологическую границу среднего стратиграфического горизонта можно обозначить рубежом XII–XIII вв. Во-первых, среди находок отсутствуют стеклянные браслеты (найден только один фрагмент в переотложенном слое *шурфа* 4), их широкое бытование в Полоцке приходится на 1220–50-е годы [Штыхов, 1975, с. 95]. Во-вторых, среди керамики не выделены переходные формы к позднесредневековым типам второй половины XIII – XIV в. В-третьих, значительная часть вещей имеет верхнюю хронологическую границу существования XII в. Наконец, средний стратиграфический горизонт относительно небольшой мощности и однородный по структуре. В начале XIII в. Заполотский посад вдвое сократился в размерах и достиг площади около 20 га. В XIV в. на заброшенной части Заполотского посада располагались огороды [Полоцкие грамоты ... , 1977, вып. 1, с. 85]. Причины, способствовавшие сокращению территории посада в XIII в., видимо, прежде всего, связаны с усилением влияния крестоносцев в Прибалтике, нестабильностью положения Полоцкого княжества.

Следы поселений вдоль р. Полота. В XI–XIII вв. на мысах вдоль р. Полота к северу от Великого и Заполотского посадов располагались отдельные усадьбы полочан. Следы их обнаружены на удалении около 0,8–1,0 км от устья р. Полота в районе современного Красного моста, ул. Октябрьской и ул. Ф. Мироновой. Расположение усадеб полочан свидетельствует о важной роли реки в жизни населения того времени.

Площадь поселений за р. Полота была весьма значительной (40 га), она делилась на две части природным рвом, который начинался от северного изгиба старого русла р. Полота. Одно из обнаруженных поселений расположено к востоку от упомянутого рва в треугольнике между р. Полота, современной ул. Октябрьской и рвом, второе – от р. Полота на запад по трассе ул. Мироновой. Культурный слой датирован XI–XII вв., отдельные арте-

факты (лепные горшки и бисер) свидетельствуют о возможности заселения данной территории уже в конце X в. Артефакты XI в. определяют торгово-ремесленные занятия здешнего населения. Очевидно, что поселения за р. Полота были заселены синхронно с западной частью Заполотского посада. По сути, эти два поселения к северу от Заполотья образовывали отдельный посад, название которого в письменных источниках не сохранилось. Культурный слой и артефакты XIII–XVI вв. не зафиксированы.

Освоение территории Верхнего замка. Сакральный центр. Заселение территории Верхнего замка можно разделить на два периода. Первый из них характеризуется временем, когда окольный город достиг подножия Замковой горы с ее восточной стороны. Поселение стало разрастаться и заняло восточную часть Верхнего замка. К этому периоду в так называемых восточных раскопах 1959–1960 гг. (раскоп II) и 1961–1962 гг. (раскоп III) на Верхнем замке относятся находки единичных фрагментов лепной посуды, византийской монеты Романа I (919–944 гг.), куфического дирхема, стеклянных бус-лимонок, односторонних костяных гребней. Культурный слой этого времени самостоятельно не выделяется, упомянутые артефакты найдены в слое XI в. Следует обратить внимание на выявленные в процессе раскопок 1957 и 1959 г. остатки оборонительных укреплений. В 1957 г. на глубине 3,2–3,3 м М. К. Каргером была вскрыта внутривальная конструкция из 2–3 рядов бревен и нескольких тесанных плах, положенных друг на друга, пространство между которыми было заполнено глиной. Исследователь обозначил это сооружение как *строительный ярус I* и интерпретировал как «внутривальную конструкцию» [Каргер, д. № 25, с. 4]. Конструкция заканчивалась на глубине 3,7–3,8 м от дневной поверхности. Между ней и материком, который был расположен на глубине 5,88 м, зафиксированы строительные ярусы II и III с элементами застройки (рис. 31, 32). Выявленный в раскопе материал датирован XI–XIII вв. (рис. 33). В раскопе 1959 г. на глубине 5,0 м в предпоследнем строительном горизонте А. Г. Митрофановым также были обнаружены бревна внутривальной конструкции, трассировка которой совпадает с найденными в 1957 г. М. К. Каргером остатками дубовых ворот [Тарасаў, 2002, с. 35]. Следует отметить, что Замковая (Черная) гора, на которой впоследствии был размещен Верхний замок, с юга, запада и севера имела крутые высокие склоны, являющиеся естественными преградами. В то же время с восточной стороны, где она соприкасалась с участком, занятым окольным городом, таких преград не было и культурный слой со стороны окольного города распространялся достаточно интенсивно на восточный участок Замковой горы. Поэтому есть основания полагать, что выявленные в восточных раскопах укрепления либо относятся к окольному городу XI в., либо к посаду XII–XIII вв. [Дук, 2010, с. 40].

Южный участок территории Верхнего замка, на котором было начато строительство Софийского собора, как установлено раскопками А. Г. Митрофанова в 1958 г. (рис. 34), прежде не был заселен. Выброс земли из котлована, сооруженного под фундамент храма, перекрывал лишь очень тонкий гумусированный слой погребенной почвы [Штыхов, 1975, с. 36]. Таким об-

разом, второй период освоения территории Верхнего замка связан со строительством Софийского собора и последующих культовых сооружений вокруг него.

Сакральная топография Полоцка дохристианского времени насчитывала две культовые (священные) зоны: Воловье озеро – место почитания Велеса (рис. 26) и возвышенность у слияния р. Западная Двина и р. Полота (Черная, или Замковая гора). После постройки Софийского собора на горе, это место стало превращаться в сакральный христианский центр. Топонимы «Черная гора» и «Черный ручей» сохранились до XVI в. как маркеры существования дохристианских представлений и капища полочан [Алексеев, 2006, кн. 1, с. 104, 106–107; Лобач, 2009, с. 118]. В 1563 г., после постройки Нижнего замка, за Черной горой при устье р. Полота закрепилось название «Верхний замок».

Оборонительных укреплений Верхнего замка, датируемых ранее XIV в., не выявлено. Следы этих укреплений в западной, и, возможно, южной части Верхнего замка зафиксированы археологически [Булкин, д. № 594, с. 9–11; Тарасаў, 1998а, с. 41]. Следовательно, их возведение было осуществлено в период вхождения Полоцка в состав ВКЛ, когда местная княжеская династия уже не существовала. В XI в. на южном, свободном от застройки участке Черной горы построен Софийский собор, который должен был навсегда изменить в памяти язычников представления об истинных божествах. Христианская религия была поставлена на службу княжеской власти и вместе с ней укореняла в сознании населения новую идеологию. О том, что Замковая гора используется княжеской властью как мощный государственный идеологический центр, свидетельствует характер застройки участка вокруг Софийского собора.

Из-за скудости источников трудно определить, когда была учреждена Полоцкая епископия. Есть предположение, что это произошло около 1000 г. [Витебская старина, 1883, т. I, с. 597], когда Владимир Святославич, покрестив Киевскую Русь, стал внедрять христианство во всех восточноевропейских землях, связанных с ней. Первые погребения по христианскому обряду на территории Полоцкой земли зафиксированы в начале XI в. Однако соблюдение христианского канона в них еще перемежается с языческими элементами и полностью он отражен лишь в захоронениях XII в. при храмах в Полоцке, Минске [Вайцяховіч, 2011, № 26]. Впервые достоверное известие о полоцком епископе приводится в Ипатьевской летописи под 1105 г., когда митрополит Никифор I «постави Мину Полотьске» (рис. 25: 6). В. Н. Татищев сообщает, что митрополит Никифор I, посвящавший Мину, сам происходил из полоцких епископов [Татищев, 1963, т. 2, с. 109]. На протяжении всего XII в., судя по сообщениям Ипатьевской летописи под 1143 и 1183 г., епископ в Полоцк назначался киевским митрополитом. Предлагаемую им кандидатуру, видимо, одобряло полоцкое вече, и она согласовывалась с князем. Епископ принимал участие в вечевых собраниях, суде. Он же выступал в качестве представителя княжества в договорах с Ригой [Штыхов, 1982, с. 72]. В конце XII – XIII в. городские соборы и епископы осуществ-

вляли надзор за мерами и весами [Щапов, 1972, с. 85]. В полоцком Софийском соборе размещалась также городская казна и библиотека. В конце XIII в. «Оу святое Софье» находилась резиденция полоцких епископов. Здесь было и помещение для всего состава духовных лиц при епископской кафедре.

Среди выявленных на территории Верхнего замка построек, окружавших Софийский собор, нет сооружений, свидетельствующих о наличии здесь княжеской резиденции. В 50 м северо-восточнее собора были вскрыты остатки храма XII в. (рис. 27, а: 2; 48, а), конструкция которого послужила прообразом смоленского храма Михаила Архангела. Кроме него на территории Верхнего замка никаких других древних храмов не обнаружено. Сделанные некоторыми исследователями предположения о возможности наличия в древнерусское время храмов в юго-восточной и западной частях Верхнего замка [Тарасаў, 1998а, с. 63], ничем не подтверждаются.

Заслуживает внимания и светская постройка, выявленная П. А. Раппопортом в 1976–1977 гг. на территории Верхнего замка: так называемый терем (рис. 27, а: 3). Долгое время этой постройке присваивалось значение княжеских хоромов XII в. Однако анализ материалов исследований П. А. Раппопорта (в том числе строительного материала – кирпича, приближенного к брусковому, а не к плинфе), показал, что и каменный терем размерами 4,7 × 4,2 м и деревянная пристройка к нему, были построены в XIV в. Датировка самой ранней из пяти печей деревянной пристройки – 1304 г. [Заяц, 1997, № 12, с. 92–102] – установлена на основе дендрохронологического анализа плах основы срубной конструкции [Раппопорт, 1981, с. 91–99]. Допуская, что в XIV–XVI вв. данная постройка входила в комплекс княжеского двора, размещенного на территории Верхнего замка, нельзя отбросить и возможность ее принадлежности в это время епископу или воеводе. Однако к строениям XII в. причислять «терем» не приходится.

Таким образом, нет оснований полагать, что княжеская резиденция имела место на территории Верхнего замка не только в XI в., но и в XII в. Территория вблизи кафедрального Софийского собора, как и сам собор, использовались для торжественных церемоний, в которых живое участие принимал духовный клир.

В свете вышеизложенного факт использования городища как жилой резиденции полоцких князей в IX–XIII вв. трудно оспорить, тем более что для нужд княжеской семьи на самом городище также имелся храм, о чем убедительно свидетельствуют археологические материалы, выявленные в 2007 г.

В начале XII в. в ближайшей полоцкой округе возводятся Бельчицкий Борисоглебский и Спасо-Евфросиньевский монастыри. В середине XII в. преподобной Евфросиньей был основан мужской Богородицкий монастырь. Его точное местонахождение неизвестно, возможно он находился неподалеку от Спасо-Евфросиньевского монастыря на территории Ксаверьевского кладбища XVIII–XXI вв.

Что же стало причиной лидирующего положения Полоцка в северной части территории Беларуси, способствовало его выдвиганию в качестве

центра Полоцкой земли? Очевидно, что географический фактор не мог быть главным, поскольку Полоцк хотя и располагался на важном ответвлении пути «из варяг в греки» по р. Западная Двина (рис. 84), тем не менее не имел преимуществ перед другими раннегородскими центрами региона. В торговом отношении он уступал тому же Витебску, из которого по волокам и малым рекам можно было попасть в Ловать и Днепр кратчайшим путем (рис. 84). В связи с этим нельзя не согласиться с мнением Э. М. Загорульского о том, что основным фактором, который бы выделял Полоцк из числа синхронных поселений, является ведущая политическая, а, как следствие, и социально-экономическая роль города [Загорульский, 1983, с. 28]. Как показывают источники, Полоцк имел политический вес в восточноевропейском регионе на всех этапах становления ранней государственности. Полоцкие «велиции князя» упомянуты в летописи под 907 г. при заключении мирного договора с Византией и выплате контрибуции на «русские города» [Сахаров, 1980, с. 114, 119]. Для Владимира Святославича (980 г.) Полоцк был важной вехой на пути к завоеванию Киева. В XI в. полоцкие князья рассматривали Новгород как конкурента во внешнеэкономической торговле на пути «из варяг в греки». С этим мотивом, а также конкуренцией на политической арене Восточной Европы связаны походы полоцких князей Брячислава Изяславича (1021 г.) и Всеслава Брячиславича (1066 г.) на Новгород.

Присутствия варягов (скандинавов) на полоцком городище и поселениях, составивших территорию древнего города, по вещевому комплексу практически не прослеживается. Это является той особенностью, которая отличает Полоцк от Новгорода и Старой Ладogi, где на Рюриковом городище и так называемом Земляном городище был найден богатый ассортимент скандинавского оружия и украшений [Волковицкий, 2003, с. 135; Носов, 2007, № 6, с. 26–27; Янин, 1997, т. 2, с. 10–11]. Комплекс предметов IX–XI вв. с полоцкого городища и синхронных ему поселений типичен для исторической округи Полоцка и славянского населения восточноевропейского региона в целом. А это, в свою очередь подтверждает, что зарождение и становление ранне-средневекового центра Полоцкой земли носит местный характер без участия варяжского компонента. Полиэтнический состав населения полоцкой земли-волости в X–XI вв. обусловил специфику становления государственности кривичей-полочан [Дук, 2003а, № 6, с. 40–46]. Посадская структура Полоцка формировалась синхронно времени существования городища и имела прямое отношение к летописному «граду» IX в. Отсутствие на полоцком городище следов размещения варяжской дружины свидетельствует и о значимости местных боярских родов в IX–X вв., сумевших возродить династию Рогволодовичей посредством заключения договора (ряда) с Изяславом Владимировичем на княжение в Полоцке после того, как он вместе с матерью прибыл в ее «отчину».

Очевидно, что топографическое развитие Полоцка на начальном этапе имеет отличительные черты наличия радиальной поселенческой структуры. Центром города являлось полоцкое городище, а в сторону р. Двина вдоль

левого берега р. Полота протянулось большое поселение – окольный город первой половины XI в. – ядро будущего Великого посада. Небольшие поселения находились и на мысах р. Полота. Во второй половине XI в., во время становления собственно города в социально-экономическом плане и феодализации общества, в Полоцке происходят изменения топографической структуры – разрастаются посады и площадь города увеличивается более чем в 20 раз.

В результате многолетних археологических исследований установлено, что площадь Полоцка в XI–XIII вв. состояла из основных территориальных единиц – Великого (около 60 га) и Заполотского (максимальный размер – 40 га) посадов, территорий будущего Верхнего замка (9,44 га) и будущего Нижнего замка (около 7 га), городища – около 2 га, поселений за р. Полота – до 50 га, Острова – около 8 га, Старой Слободы – около 5 га. В XI в. общая площадь города была не менее 180 га, в XII–XIII вв. происходит постепенное ее сокращение за счет уменьшения поселений за р. Полота и части Заполотского посада в целом на 70 га. Данные о количестве населения Полоцка в это время представлены в работах Г. В. Штыхова [1975, с. 33] и С. В. Тарасова [Тарасаў, 1998а, с. 88–91]. Согласно Г. В. Штыхову, площадь Полоцка в XI в. составляла не менее 80 га, а население – около 8 тыс. человек. С. В. Тарасов рассчитал площадь города с учетом новых данных по Великому посаду и Заполотью и определил ее равной приблизительно 120 га. Количество населения Полоцка, согласно С. В. Тарасову составляло около 15 тыс. человек.

Следует отметить, что методика подсчетов базируется на данных археологических источников при полном отсутствии письменных, и поэтому является очень приблизительной. Определенное исследователями количество населения варьирует от 8 до 15 тыс. человек в зависимости от установленной раскопками площади посадской территории. Заметим только, что при максимальном территориальном увеличении Полоцка в XVIII в. (около 250 га) исследователи на основании комплекса исторических источников фиксируют количество городского населения равным приблизительно 4–10 тыс. человек.